

Г. Е. Рахманин

Утиная охота

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
Г11

Г11 **Г. Е. Рахманин**
Утиная охота / Г. Е. Рахманин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 79 с.

ISBN 978-5-519-15549-6

Репринт оригинального издания 1927 года.

ISBN 978-5-519-15549-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Кто, как не утка, дает возможность стрельбы по сидячей, без риска промаха и пропажи впустую дорого стоящего «припаса»?

Кто, наконец, как не та же самая утка, так щедро компенсирует потраченное время, труд и купленный нередко на последние гроши «припас» и количеством, и качеством своего мяса, столь редкого и потому ценного в домашнем обиходе крестьянина или Жителя городской окраины?

Итак, — утку можно везде найти; утка допускает стрельбу по сидячей; уток можно при удаче взять на выстрел несколько штук; по утке не обязательно наличие специально натасканной собаки; убитой уткой окупается и время, и затраченные средства, охотника, вынужденного строго соотносить свою страсть с величиной необходимых затрат на нее.

Что же удивительного, что утиная охота всегда была по преимуществу охотой деревенской и городской бедноты?

Но поэтому же неудивительно и выработавшееся отношение к ней со стороны тех, кто раньше "задавал тон" в охотничьих делах и уж, конечно, с этой беднотой ничего общего не имел:

— Утки? Мужичья охота!...

В представлении этих "Задававших тон" утиная охота была "мужичьей" по трем основаниям.

Во-первых, — как выяснено, охотящаяся беднота вполне основательно предпочитала именно эту охоту.

Во-вторых, — утиная охота по самой природе этой дичи и ее подчас изобилию дает слишком много мяса. А, ведь «мясо» — это же было несовместимо с «благородной» охотничьей страстью: не продавать же, в самом деле его не обращаться же в «презренного промышленника»!...

В-третьих, — утиная охота являлась «мужичьей» просто по своей трудности и обстановке: она почти всегда сопряжена с грязью, с водой, с риском иногда промокнуть, с необходимостью обратиться подчас к передвижению на собственном брюхе во имя того, чтобы удачно подобраться к объекту охоты... Это, ведь, не тяга, на которой можно стоять в лакированных ботфортах, и не прогулка по скошенному полю за перепелом или куропаткой!...

Любопытно, кстати уж, отметить, что ползти на брюхе к дрофе, например, не говоря уже о подкрадывании к какому-нибудь зверю, — это ничего: это — охота, это — уменье, это, словом, полагается.... Но ползти на том же самом брюхе по открытому берегу к табунку сторожких осенних крякв — это почему-то «позор», это — «промышленничество»:

— Известное дело: утятник!

Точно также стрелять бекасинником из двенадцатого калибра в двадцати шагах по отяжелевшему августовскому дупелю, приготовившись и заранее зная, когда он будет поднят собакой по приказанию охотника, — это стрельба, это — искусство...

А вот стрелять из качающегося неустойчивого челна в неудобном положении по неожиданно вырвавшемуся из травы без всякой стойки и вообще предварительных о себе оповещений юркому чирку — это...

— Ну, помилуйте! Какая же тут стрельба! Добыть из шалаша подгоняемых загонщиками и лепящихся к чучелам тетеревей — это удача, это — охота...

Но искусно подманить самому красавца селезня или осенью взять из пролетной стаи блестящим дуплетом проносящихся молниеносно нырков — это...

— Ну, что тут удивительного. Ведь, птица-то — Во!... Словом, все, что связано с утиной охотой, неизменно подвергалось, — а часто, по старой памяти, и сейчас еще подвергается?, — не то осуждению, не то пренебрежительному отношению со стороны так называемых «настоящих охотников».

Но кого, однако же, назвать настоящим охотником?

— «Того ли, — как спрашивает С.Т. Аксаков, — кто, преимущественно охотясь за болотной дичью и «вальдшнепами, едва устаивает своими выстрелами стрепетов, куропаток и молодых тетеревей и смотрит уже с презрением на всю остальную дичь, особенно крупную; или того, кто сообразно с временем года гоняется за всеми породами дичи: за болотной, водяной, степной и лесною, пренебрегая всеми трудностями и даже находя наслаждение в преодолении этих трудностей?»

Со свойственной тому времени деликатностью письма, бессмертный поэт-охотник, равного которому, конечно, никогда больше не будет, уклоняется от прямого ответа:

— «Я не беру на себя решения этого вопроса, — пишет он, — но скажу, что всегда принадлежал ко второму разряду охотников».

Конечно, в подчеркнутых курсивом словах заключается и Аксаковский ответ на вопрос, и Аксаковское определение настоящего охотника.

Для этого-то разряда охотников и написана книжка уважаемого Григория Евгеньевича.

Прочитав ее, не трудно убедиться, что утиная охота — это своеобразное искусство требующее больших знаний и большого опыта для того, чтобы результаты ее были успешны не случайно, а именно в силу наличия у охотника таких знаний.

Прелесть утиной охоты в значительной мере определяется уже самым местом, где эта охота производится:

— «Все хорошо в природе, но вода — красота всей природы!» — говорит тот же С.Т. Аксаков.

По одной этой причине утиная охота, всегда происходящая на воде или у воды, способна дать наибольшую сумму художественных впечатлений душе охотника...

Разнообразие утиной охоты вытекает из разнообразия с одной стороны, самих пород уток, с другой, — времен года, в течение которых она производится, и с третьей — способов и приемов, по богатству которых с ней не может состязаться никакая другая.

Трудность же этой охоты, — а, стало быть и величина чисто — спортивного наслаждения от преодоления их, — заключается прежде всего в том, что именно в этой охоте, как нигде на другой, наиболее активную роль играет сам охотник, его знания и опыт и его умение стрелять.

Итак, — прелестной, разнообразной и трудной охоте, т. е. охоте утиной, посвящена эта книжка...

Те, кто уже любят эту охоту, найдут здесь концентрированный сгусток большого охотничьего опыта и сумеют, конечно, указания этого опыта так или иначе использовать практически.

Те, кто этой охоты не знают познакомятся с ней из этой книжки и, надо думать, тоже полюбят.

Те же «настоящие» охотники, которые частью по привычке, частью просто по недомыслию продолжают и сейчас еще при случае пережевывать тухлую жвачку прошлого о каком-то особом «благородстве всех остальных видов охоты по сравнению с утиной, — те увидят из содержания этой книжки, что по количеству требований, какие предъявляет утиная охота к охотнику, к его знаниям и опыту, к его выносливости, к бою его оружия, наконец, и к умению им пользоваться, она по праву должна быть поставлена едва ли не на одно из самых первых мест среди остальных видов охоты.

В заключение необходимо отметить, что по полноте охвата темы, по обилию советов из Живой охотничьей практики, по легкости и доступности изложения книжка Григория Евгеньевича, — этого подлинного утятника в лучшем смысле слова — несомненно является популярным руководством по утиной охоте,— и в этом ее ценность для охотников вообще, а для начинающих — в особенности.

Потому что популярного руководства по этой охоте и раньше у нас не было, не говоря уже о том, что вообще дореволюционная охотничья литература в огромном большинстве авторов и названий является сейчас, к сожалению, библиографической редкостью.

Сергей Качиони

От автора

Утки являются, пожалуй, наиболее распространенной в СССР дичью. По крайней мере, редкий, едва ли более одного из тысячи, охотник не охотился и не охотится по уткам.

И, тем не менее, утиная охота никогда не пользовалась у нас особым почетом. Мало того, — утиная охота находилась в каком-то загоне, на нее смотрели презрительно, утку почти не считали за дичь, а охотников, любящих и страстно предающихся этой охоте, пренебрежительно именовали «утятниками», приравнивая значение этого слова к слову «шкурятник».

Объяснялось это прежде всего тем, что мало кто из городских охотников, в особенности охотников наших столиц, знал хорошо утиную охоту вообще. Утку стреляли случайно, за ней специально не охотились, и поэтому сложилось мнение, основанное на случайном выстреле по случайно подвернувшейся утке, что утиная охота легка, не требует ни знаний, ни опыта, а стрельба по уткам — не трудна.

Помимо всего этого, еще не была изжита отрыжка того далекого прошлого, когда не только людей, но и дичь разделяли на две категории: «благородных» и «неблагородных». Утки имели счастье или несчастье (что зависит от взгляда на этот вопрос) попасть в число «неблагородных» видов дичи, и поэтому утиной охотой в городах интересовались очень немногие, ее знавшие и изучившие, охотники.

Вдали от городов, на раздолье озер, рек и болот, излюбленных утками, где «благородство» или «неблагородство» дичи имело для крестьянина-охотника весьма малое значение, на уток также охотились немного, но по совершенно иным причинам. Утка — дичь прилетная, живущая у нас в СССР только в теплое время года. В большинстве местностей, удаленных от центров, сезон охоты на уток совпадал с периодом усиленных сельскохозяйственных работ, с деревенской «страдой», когда крестьянину-охотнику бывает вообще не до охоты не только на уток, но и на всякую иную дичь.

В конце же концов, все таки большинство охотников, как горожан, так и крестьян, утиной охоты почти не знают и во всяком случае знают ее гораздо хуже, чем на какую-либо иную дичь. В огромном большинстве случаев тот или иной охотник, даже убивший на своем веку сотни, а подчас и тысячи уток, все же знает и изучил только один какой-либо вид этой охоты. Некоторые охотились и охотятся только весной с подсадными. Другие — только летом на вылетку. Третьи — только на утренних и вечерних перелетах. Четвертые, наконец, — только осенью с подъезда на открытой воде, — и т. д. Но знающих, тонко изучивших охоту на уток в течение всего года, при всяких условиях и всеми способами, — очень немного.

Эти-то единичные охотники, как горожане-любители, так и крестьяне-промысловцы, и являются нашими учителями в отношении использования тех или иных приемов охоты на уток. Как ни мало их было и есть, но некоторый опыт и знания они накопили, — и только вследствие общего равнодушия большинства охотников к утиной охоте эти опыт и знания почти не нашли себе, к сожалению, полного отражения на страницах специальных сочинений, посвященных утиной охоте.

В охотничьей литературе, насколько я ее знаю, описанию утиной охоты посвящено только три, — правда, следует добавить, три прекрасных, — книжки: Ю.М. Смельницкого

— «Охота на утренних утиных сидках в устьях Камы», С.Н. Алфераки — «Очерки утиных охот» и А.Г. Раснера — «Охота на Маркизовой луже».

Но первая из этих книжек говорит только об одном способе охоты на уток, третья — только об охоте на уток в условиях Финского залива между Кронштадтом и Ленинградом, и лишь одна вторая охватывает почти все виды этой охоты...

Однако, с одной стороны, все эти книги теперь составляют библиографическую редкость, а, во-вторых, даже «Очерки утиных охот» С.Н. Алфераки едва ли могут являться популярным руководством по охоте на уток...

А, между тем, ведь, нет охоты более интересной по своей трудности и обстановке, чем охота утиная.

И едва ли найдется какая либо иная охота, успешность которой настолько зависела бы от опыта самого охотника!

Разнообразны до бесконечности угодья, на которых водится эта прекрасная дичь; разнообразны сами утки, не только по своим видовым отличиям, но и по своему поведению в различных местностях и в различное время года; разнообразны способы и приемы самой охоты...

Одним словом, утиная охота — это целое искусство, основанное на знании и опыте.

В кратких словах поделиться такими накопленными знаниями и опытом, — не только личным, но и других охотников, — я и постараюсь в дальнейшем.

Гр. Рахманин

ГЛАВА I. Способы и приемы утиной охоты

Весна

Закрыты еще толстым слоем искрящегося на солнце снега поля, спит лес, одеты льдом реки и озера. И только затейливая звонкая трель зяблика в полдень, показавшаяся кое-где на солнышке из под снега черная земля да появившиеся на быстринах рек или по берегам озер полыньи говорят за то, что владычеству зимы наступает конец, и на смену ей победно шествует оживляющая всю природу весна...

И передовые гонцы несметных утиных полчищ уже появились, Уже плещутся в полыньях ярко-перые селезни и скромно одетые утки, и звучно, в особенности по зорям, раздаются их голоса, могуче пробуждая в сердцах соскучившихся за зиму охотников что-то светлое и радостное...

Не все сразу прилетают утки, и далеко не одновременно показываются все виды их. В иную весну между моментом появления первых заморских гостей и валовым их пролетом проходит много времени: неделя, а то и больше ... В иные годы — при дружной весне — массовый пролет утки следует сразу же вслед за появлением их первых особей. Обычно первыми обнаруживаются кряквы и гоголи, а последними — чирки-трескунки и лопуноски.

Как известно, действующими охотничьими правилами охота на уток весной ограничена, а именно: весной разрешается производить охоту только на селезней и притом в течение времени не более одного месяца. Срок открытия этой охоты, а, следовательно, и закрытия таковой, по действующим охотничьим правилам, устанавливается ежегодно для каждой губернии распоряжениями соответствующих местных органов, в зависимости от хода весны.

Разрешением стрельбы весной только одних самцов-уток (селезней) определяется и характер приемов и способов весенней охоты на уток.

Во избежание случайных попаданий в уток-самок, стрельба на перелетах, обычно производимая в темноте и по стаям уток, не должна производиться вовсе. Даже при очень остром зрении отличить в полумраке быстролетящую утку от селезня почти невозможно. К тому же очень часто утки идут табуном или стайкой, и даже при самом тщательном выцеливании селезня процент возможных попаданий (вместо селезня или одновременно с ним) в летящую рядом утку будет весьма велик.

Что касается охоты с подхода или с подъезда, то следует иметь в виду, что весенняя утка строга, растительность на воде отсутствует, утке спрятаться почти нигде, и она все время сидит или на открытой воде, или же вблизи берега или кустарника, еще издали замечая приближающегося к ней охотника, и снимается, обычно не подпустив его на выстрел. Поэтому охота на селезней с подхода или с подъезда весной всегда может носить лишь случайный характер. В тех же местностях, где по целому ряду благоприятно сложившихся условий, главным образом, топографического характера (извилистая или богатая заводями речонка, густые кустарники по берегам и проч.) стрельба по селезням с подхода или с подъезда возможна, всегда следует от нее воздерживаться, т. к. обычно в эту пору года селезень держится рядом с самкой, скромнее окрашенной и поэтому менее заметной охотнику, и при выстреле по селезню (хотя бы и в лет, когда, как говорят,

«селезень висит на хвосте у утки») весьма часто, и притом — вне зависимости от воли и намерений охотника, под выстрел будет подвергаться и утка.

Поэтому-то, в целях избежания такого рода случайных попаданий (а от частых случаев такого рода к вполне сознательной стрельбе по всякой утке, — безразлично, селезню или самке, — только один шаг!), а также и в виду возможных злоупотреблений на этой почве, оправдываемых упорным «случаем», действующие правила об охоте не только ограничивают срок охоты на селезней весной, но и определенно указывают на тот единственный способ охоты, который только и разрешается применять на охоте по селезням весной.

Примечание к ст. 21 „Правил об охоте“ говорит: «С начала весеннего пролета водоплавающих птиц в течение одного месяца разрешается стрельба гусей, лебедей, а также стрельба на манку селезней» ит. д.

Следовательно, и по смыслу действующих правил об охоте, и по буквальному тексту их стрелять весной селезней разрешается только на манку. Все же остальные способы и приемы охоты на уток весной являются недозволенными а, значит, и применение их является нарушением законов Республики со всеми проистекающими отсюда последствиями.

Помимо того, что указанный правилами способ охоты на селезней весной действительно наиболее полно исключает возможность (конечно, при достаточном хладнокровии, внимательности и отсутствии злой воли охотника) случайного попадания в уток-самок, — стрельба селезней на манку является, пожалуй, несомненно наиболее добычливой, наиболее красочной и интересной по обстановке охотой, чем производимая каким либо другим способом.

Охота по селезням на манку

Охота по селезням на манку основана на чрезвычайном сладострастии селезня, во-первых, и, во-вторых, на необычайной общественности уток. Иными словами, селезень весьма охотно бросается в ту сторону, где он завидит утку-самку того же вида или слышит ее голос. Это особенно относится к кряковым селезням, как известно, не живущим в паре с уткой и не принимающим вместе с ней участия в выводе молодых. Общественность же уток почти всех видов настолько велика, что, слышав или увидев себе подобных, они охотно подсаживаются к ним. Этим в особенности отличаются чирки, часто подсаживающиеся одиночками, парами, а то и небольшими табунками, не только к Чирковым, но сплошь и рядом к кряковым, черным и вообще каким бы то ни было утиным чучелам.

Значительно строже в этом отношении нырковые утки вообще к гоголи в частности, подсаживающиеся только к себе подобным, хотя хохлатая чернеть и красноголовый нырок и представляют, по-видимому, собой исключение из этого общего правила. По крайней мере, мне лично и многим моим знакомым охотникам очень часто приходилось видеть и стрелять по ним, сидящим в обществе чирков, гоголей и других уток.

Точно также очень неохотно подсаживаются к чучелам уток других пород и даже к своим чучелам связы. Если же и подсаживаются, то садятся вдали от чучел и затем медленно и крайне осторожно к ним подплывают.

Из всего сказанного выше явствует, что приманивать селезней можно подражанием голосу, который издает утка-самка того же вида, и расставленными по воде чучелами, т. е., деревянными утками, соответствующим образом раскрашенными.

Но охотничья хитрость не ограничилась этим. В качестве наиболее совершенной приманки для селезней (кряковых), используются, так называемые, подсадные утки (их часто называют и кряковыми или круговыми), полученные от скрещивания дикого крякового селезня с домашней уткой или другим способом [Подробнее см. гл. III] и рассаженные на воде вместо чучел или вместе с чучелами. К сожалению, до сих пор выведены только породы подсадных, величиной, строением тела и окрасом, а также и голосом, схожие с кряковой уткой, и поэтому круговые, главным образом, предназначены для охоты по кряквам.

Хорошая подсадная утка заменит и великолепно подражающую голосу утки манку, и чучело, так как, заметив себе подобных диких (если подсадная, конечно, успела уже привыкнуть к охоте с ней), она ведет себя точно так же, как и дикая, разве только проявляя большую крикливость и настойчивость в приманивании своего кавалера. Чучела же, как бы они хороши ни были, несмотря на то, что, стоя на якорьках, они движутся волной или ветром весьма естественно, — все же мертвы, и поэтому опытного, — как говорят, «настеганного», — селезня с ними одними не взять.

Итак, для охоты на селезней на манку необходимо иметь хороший манок (на каждый вид утки отдельно) или умение самого охотника с помощью руки хорошо манить уток, далее чучела и, наконец, — подсадных уток. Само собой разумеется, что можно охотиться и только с помощью манка или с помощью одних чучел, или с одной подсадной. Но, конечно, и результаты такой охоты будут значительно хуже, да и удовольствия она такого не доставит. На худой конец можно охотиться с одной подсадной, хотя в этом случае следует иметь в виду, что, кроме кряквы да, пожалуй, весьма общительного чиренка, других уток придется стрелять только случайно.

Всего же лучше, в особенности в начале весны, когда идет валовой пролет всяких уток, брать с собой на охоту одну или лучше две подсадных утки, штуки 3—4 чучела чирка и пять-шесть чучел черневых уток (чернеть, гоголь). [Конечно, лучше брать большее количество чучел, чем указано выше. Кроме того, можно брать чучела и других видов — лопаносов, шилохвостей и пр., но я говорю о минимуме.] Все чучела должны быть раскрашены под цвет уток-самок (для весны), хотя, если чучел вообще недостаточно, можно брать с собой и чучела, раскрашенные под селезня чирка, чернети и гоголя. Чучел кряковых уток при наличии подсадной брать весной вовсе не следует. Достаточно и одной подсадной.

Выставленное же весной чучело крякового селезня сможет только отпугнуть желающего подсесть, заслышав страстный призыв подсадной, робкого, молодого селезня, из боязни получить жестокую трепку от молчаливо и неподвижно сидящего, но, очевидно, сильного и ревнивого деревянного конкурента.

Чучела следует расставлять на расстоянии пятнадцати-двадцати шагов от того места, где сидит охотник. В зависимости от условий местности, приходится расставлять их по-разному. Наиболее же удобно расставлять их следующим образом: подсадная садится прямо перед охотником на расстоянии 10-15 шагов; в некотором от нее удалении — вправо или влево — расставляют табунок чирят, а с противоположной стороны, — но еще несколько дальше от подсадной, — табунок черневых уток. Расставлять чучела следует в живописном беспорядке и притом так, чтобы одно чучело не могло задеть другое, а

подсадная не могла бы приблизиться к ним или спутать веревочку, на которой она привязана, с поводком чучела.

Вторую подсадную следует брать с собой для того, чтобы заменить первую, в особенности в начале весны, когда от непривычки и холода утка скоро устает и перестает кричать.

В этом случае вторую подсадную следует держать в корзине или в ящике при себе, но отдельно от селезня, если он взят с собой, как и следует вообще держать уток во время поездки. В противном случае, т. е., если селезень имеет свободный доступ к утке, то подсадные, пресытившись постоянным ухаживанием своего синеголового «Сеньки», хуже кричат на работе.

Иногда можно садить и двоих подсадных сразу. При этом их следует рассаживать обязательно так, чтобы они только слышали, но не видели одна другую. В противном случае подсадные ведут себя крайне беспокойно, стремятся сплыться, вследствие чего бьются и тянут за собой якорек, а, сблизившись, перестают кричать, не обращая особого внимания на пролетающих селезней.

Селезня, постоянно живущего с уткой, и к голосу которого подсадная привыкла, весьма полезно иметь при себе (в корзине). Очень часто бывает, что подсадная, намокнув, замерзнув или устав, перестает кричать. В этом случае обычно достаточно пошевелить корзину, в которой сидит селезень, чтобы он зажвёкал, — и тогда подсадная, услышав голос своего селезня, начнет снова усиленно кричать.

Ранней весной советую брать с собой по возможности всегда двух подсадных, сменяя их в работе через зорю, а в утреннюю зорю — меняя подсадных дважды.

При наличии хорошо работающей подсадной и достаточного количества чучел охота идет вполне успешно. Но успешность эту можно во много раз увеличить, если еще применить хорошую манку селезней других пород, кроме кряковых, — голосом или манками.

Голоса подсадной вполне достаточно для того, чтобы каждый кряковый селезень (если, конечно, он не напуган, охотник укрыт от его глаз хорошо, а подсадная работает должным образом) зажвёкал бы учащенно и плюхнулся рядом с уткой...

Но совсем иное дело получается, когда мимо пролетает не кряковый селезень, а селезни других видов. Без манки голосом к чучелам подсядут только те селезни, которые их увидят, да и то всякий селезень гораздо охотнее идет к чучелам, когда он слышит призывный голос самки-утки того же вида. Даже и сами утки, как в одиночестве, так и в обществе своих кавалеров, а то и целыми табунками, будут присаживаться к чучелам, если охотник хорошо умеет их манить голосом. В особенности хорошо идут на манку чирята. Почти каждого чиренка можно посадить к чучелам и даже после неудачного по нему выстрела заставить умелой манкой вернуться обратно. Маня селезней, никогда не следует злоупотреблять этим, как бы ни удачно было подражание, а кричать в меру и не часто. Само собой разумеется, что манить следует голосом самокуток, а не селезней, так как селезень, конечно, охотнее пойдет на голос самки, чем на голос своего конкурента и противника. К тому же голос самки и звонче, и легче поддается подражанию, нежели голос селезня.

В особенности много удовольствия доставляет манка чирков и наблюдение за их поведением среди неподвижных чучел.

О том, как научиться манить с помощью руки уток, и как устроены специальные манки на уток, — будет подробно сказано *в главе III настоящей книжки*.

Охота на манку производится или с берега, или с лодки.

В первом случае на берегу необходимо выстроить шалаш или иное приспособление, где и может поместиться охотник, скрытый от глаз утки. Материалом для изготовления шалаша обычно служат ветки кустов, трава, сено, солома и проч. Когда листва зазеленеет, шалаш строить легче, так как зеленые листья служат прекрасной защитой. Весьма важно, чтобы шалаш не выделялся в окружающей обстановке, а наоборот — сливался бы с ней возможно полнее и незаметнее. Поэтому при выборе материала для изготовления шалаша необходимо считаться с характером той местности, где он будет строиться. На берегах рек и озер, покрытых кустарником, найти место для постройки шалаша и материал для него — легко и просто. Для этого выбирают обычно куст погуще и поплотнее, вырубая в середине его прутья, чтобы можно было разместиться с удобствами, набирают вдали от шалаша веток, травы, сена и т. п. Ветки втыкают в землю толстым концом, переплетая тонкие между собой и с прутьями куста. После этого принесенным сеном, травой, соломой и т. п. запорашивают шалаш сверху и затыкают клочками изнутри отверстия между прутьями, кладут также сена или травы внутрь его, — чтобы мягко было сидеть, — и шалаш готов.

Очень важно, чтобы шалаш или иное прикрытие закрывало охотника от взора птицы, как с боков, так и сверху. Из шалашей открытых, сверху не защищенных, охотиться с успехом можно только до восхода солнца (на утренней заре), т. е. только тогда, когда еще совсем темно. Как только солнце взойдет, фигура человека будет далеко заметна утке сверху, и, как бы ни хороши были подсадная, чучела и манка, селезень не подсядет и даже не подлетит на выстрел к охотнику.

В тех случаях, когда охота на манку производится с гладкого, без всякой (или во всяком случае без высокой) растительности берега, устраивать засидку из прутьев, травы и прочего — не годится, так как утка их будет определенно пугаться, завидя на берегу какую-то новую и потому подозрительную постройку. В этом случае приходится вырывать яму в песке или земле, окружить ее валиком, насыпанным из той же земли или песку, и уже затем обтыкать невысокими прутьями, травой и проч. Иногда же, в тех случаях, когда в яме может выступить вода, необходимо будет врыть в землю крепко сколоченный из досок ящик или бочку, укрепив их распорками, и в них размещаться.

Вообще следует иметь в виду, что ни общий вид берега, ни характер его растительности от присутствия шалаша не должен меняться. Если на берегу, поросшем кустарником, выстроить шалаш из еловых лап, — утка всегда будет облетать такой шалаш. Если берег гладок и лишен растительности, можно лишь делать земляную засидку, а не шалаш из какого бы то ни было материала. Если же и земляной засидки устроить почему либо невозможно, то лучше всего поставить шалаш за несколько дней до охоты, чтобы утки успели к нему несколько привыкнуть и перестали его пугаться.

Правило это можно рекомендовать при устройстве всякого шалаша для охоты, — но, к сожалению, это не всегда возможно осуществить.

Помню, как однажды мы с товарищем охотились на разливах озер по селезням.